

Стоит ли говорить о том, что от Загоскина и до Мордовцева русская историческая беллетристика, разрабатывавшая тему древней Руси, в иных случаях сильнее, а в иных — слабее, находилась под влиянием тех же, выработавшихся еще в начале XIX в. представлений об уравнительном, одинаковом для всех сословий характере культуры древней Руси. Ни по языку, нарочито грубому, мужицкому (пуцай, пошто, дюже, не замай, таперича), ни по платью (только более богатому), ни по своим привычкам представители высших сословий не отличались в этой дореволюционной беллетристике от крестьян, ремесленников, купцов. Князь и крестьянин, боярин и крестьянин жили одинаково: разница заключалась в обилии яств, в ценности платья, словом, в важности и количестве издержек, и только.

Следует сказать, однако, что эти ошибочные концепции наших философов и публицистов XIX в. оказали только некоторое влияние на исследователей, исторических романистов, поэтов, художников и музыкантов. Подлинное освоение культуры древней Руси проходило мимо господствовавших концепций. Поэтому огромное значение имеет пристальное исследование того, как памятники культуры древней Руси конкретно отражались в новой русской культуре.

Подлинное отношение новой русской культуры к древней Руси лежит в продолжении тем, сюжетов, мотивов древней Руси, в освоении ее художественных достижений, в художественном проникновении в древнерусскую жизнь, историю и культуру.

Статьи данного тома «Трудов Отдела древнерусской литературы» посвящены конкретным исследованиям претворения памятников древней русской литературы в культуре новой России.

Показать значение литературы древней Руси в новой русской культуре — такова задача этого тома.

В основном статьи выросли на основе докладов, прочитанных и обсужденных на конференции Сектора древней русской литературы Института русской литературы АН СССР, происходившей в мае 1969 г. в Ленинграде и посвященной той же теме, которая стоит в заглавии данного тома.

Д. С. Лихачев.